

УДК 808.2:82-3Шу

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ В.М. ШУКШИНА «ЛЮБАВИНЫ»

КАРТАШОВА Елена Николаевна,
аспирант,
Воронежский государственный технический университет

АННОТАЦИЯ. «Любавины» – первое масштабное произведение писателя. В нем отражена жизнь русского народа в переломную эпоху. В статье рассматриваются способы репрезентации женских образов, представленных в романе, их связь с русским фольклором, выделяются лексические единицы, раскрывающие особенности героинь: их внешний облик, в том числе одежда и её цветовая характеристика, характер, его эмоциональная составляющая, морально-нравственные качества. В исследованиях, посвященных изучению языка произведений писателя, образ женщины не подвергался лингвистическому анализу. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится исследование женских персонажей в романе В. М. Шукшина «Любавины» в русле лингвокультурологии и стилистики текста. Предметом исследования являются лексические средства, используемые для репрезентации образов героинь. Цель работы – выявление особенностей репрезентации женских персонажей в тексте романа. Основная задача – выделить ряд лексических средств, используемых автором для создания образов героинь, а также определить их роль в раскрытии идейно-художественной направленности произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская женщина, мать, жена, образ.

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF FEMALE IMAGES OF THE NOVEL BY V.M. SHUKSHIN «THE LUBAVINS

KARTASHOVA E. N.,
Postgraduate Student,
Voronezh State Technical University

ABSTRACT. *The Lubavins* – is the first major work of the writer. It reflects the life of the Russian people in a crucial era. The article discusses the lexical means of representation of female images in the novel, their connection with Russian folklore. The article defines lexical means that reveal the features of the heroines: their appearance, including clothes and the color characteristics, character, its emotional component, moral qualities. In scientific works dedicated to the language of the writer was not given a linguistic analysis of the female image. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the investigation of the female images the novel by V. M. Shukshin “The Lubavins” is performed in accordance with linguocultural and stylistic approaches. The subject of the study is the lexical means used to represent the images of characters. The purpose of the work is to identify the features of the representation of female characters in the text of the novel. The main task is to highlight a number of lexical means used by the author to create female images, as well as to determine their role in revealing the ideological and artistic orientation of the work.

KEY WORDS: Russian woman, mother, wife, image.

Роман В.М. Шукшина «Любавины» написан в 1959-1961 годах. В середине 50-х годов писатель отправляется на родину – в село Сrostки, встречается со старейшими жителями, слушает их рассказы о гражданской войне и коллективизации. «Мне хотелось рассказать об одной крепкой сибирской семье, которая силой напастования частнособственнических инстинктов была вовлечена в прямую и открытую борьбу с Новым, с новым предложением организовать жизнь иначе. И она погибла. Семья Любавиных. Вся. Иначе не могло быть» [1, с. 637], – писал автор.

Ряд современных работ посвящен фольклорным традициям в романе (Мельник Т.Н., Кяргина С.В.), проблемам интертекстуальности (Шадринцева Е.Ф.), исследовалась конфликтосфера «Любавиных» (Ильичева Я.Н.). Несмотря на то, что это первое масштабное произведение в творчестве писателя, оно не подвергалось монографическому описанию с позиций лингвистики. Исследование жен-

ских образов ведется нами в рамках лингвокультурологии и стилистики текста.

Женские персонажи романа В. М. Шукшина со своими характерными чертами и трагичной судьбой представляют интерес для исследования, поскольку их изучение вносит вклад в развитие гендерных исследований – нового направления гуманитарной науки, занимающейся проблемами пола в социальной и культурной сферах. Кирилина А.В. в работе «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» подчеркивает: «Гендер (социальный или социокультурный пол) не является лингвистической категорией, но его содержание может быть раскрыто путем анализа структуры языка, что объясняет востребованность лингвистической компетенции для изучения культурной репрезентации пола» [2, с. 9].

Многие исследователи обращались к вопросу о роли женщины в русской культуре. Так, О.В. Рябов в монографии «Матушка Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии» выделяет качества, которые присущи русской женщине: физическая сила, чистота, непорочность, скром-

© Карташова Е.Н., 2019
Информация для связи с автором: elena.perceva.00@mail.ru

ность, целомудрие [3, с. 122]. Автор утверждает, что материнство является очень важной составляющей национального самосознания русских людей. В.Н. Кардапольцева выделяет такие «материнские» черты женского русского национального характера, как жалостливость, жертвенность: «Для русского народа (а для женщины особенно) любить – это значит жалеть, страдать. Женщина своей материнской любовью, заботой окружает и пригревает горемыку непутевого и мужа, и возлюбленного, и ребенка почти в равной степени» [4, с. 59–60].

Достаточно подробно на роли русской женщины в обществе останавливается А. Сергеева. Автор подчеркивает, что русская женщина рождается, чтобы стать матерью и жертвовать собою ради любви к детям и мужу. Ответственность за всю семью лежит на ней [5, с. 113–114].

Стоит отметить, что для В.М. Шукшина приоритетной всегда оставалась роль женщины – хранительницы очага. Значимым в прозе Шукшина является «традиционный» тип женщины, в соответствии с классификацией женских характеров, предложенной В.Н. Кардапольцевой. По ее мнению, среди русских женщин можно выделить три типа: традиционные женщины, женщины-героини, демонические женщины.

К традиционному типу относятся «нежно любящие женщины, способные на самопожертвование ради других, у которых «всегда готов и стол, и дом», которые свято хранят традиции прошлого» [4, с. 55]. Яркий пример героинь данного типа – Любовь Байкалова. «Благодаря терпению, мягкости, всепрощению удивительно женственной женской души Егор Прокудин серьезно задумался вернуться к истокам «березового» прошлого, чтобы жить в просторном деревянном доме и чтобы рядом была любящая жена... Эта простая русская женщина, как и вся ее семья, олицетворяет лучшие душевные качества, «живую душу народа» [4, с. 65–66].

Следующий тип – женщина-героиня, «это, как правило, женщина, преодолевающая какие-либо трудности, препятствия. Близка к этому типу и женщина-воин, неумная активистка, для которой основной формой деятельности является общественная работа. Домашняя работа, семья для нее – далеко не главное в жизни» [4, с. 55].

Данный тип редко встречается в произведениях В.М. Шукшина. Автор с юмором относится к эмансипированным женщинам с подстриженными волосами, в брюках, с сигаретой, иногда отказывая им в женском имени: такова журналистка А. Сильченко, героиня рассказа «Гринька Малюгин»: «И тотчас в палату вошла девушка лет двадцати трех. В брюках, накрашенная, с желтыми волосами... На другой день Гриньке принесли газету, Называлась заметка "Мужественный поступок". Подпись: «А. Сильченко» [6, с. 119]. Фамилия Сильченко может принадлежать как мужчине, так и женщине. Тем самым автор подчеркивает отсутствие женственности (в традиционном понимании) у героини. У Лели Селезневой в рассказе «Леля Селезнева с факультета журналистики» короткие волосы, она курит, вызывая тем самым насмешку и осуждение мужчин. «Сигаретка есть у кого-нибудь? – Махорки можно, – неуверенно предложил один плотник и оглянулся на старика бригадира, желая, видимо, понять: не глупость ли он делает, что потакает молодой девушке в такой слабости?» [6, с. 107].

И, наконец, третий тип – демонические женщины, к которому Кардапольцева причисляет «женщин, отличающихся «демоническим характером», «роковых женщин» [4, с. 55–57]. Героини этого

типа нечасто встречаются на страницах произведений В.М. Шукшина. Такие женщины имеют связь с уголовным миром (Люсьен «Калина Красная», Ольга Фоякина «Там, вдали»), с ними связана тема супружеской измены (Клара «Беспалый», Ольга Фоякина «Там, вдали»). Красота этих женщин не приносит счастья мужчинам: «А они все красивые – балованные. Измучаешься с такой: пойдешь куда-нибудь – вся душа изболит. На ее же оглядываются! Тут нервы да нервы надо» [6, с. 45].

Следует отметить, что писатель не идеализирует некоторые женские образы, резко очерчивая негативные черты их характера. В связи с этим можно провести параллель с изображением женщин в русских сказках: положительные героини наделены такими чертами, как верность, честность терпение, трудолюбие, отрицательные же ленивы, жадны, конфликтны. Тем самым вновь подтверждается близость писателя к фольклору, к глубинным пластам русской культуры [7, с. 245]. Часто негативными чертами наделены именно жены [см. 8]. Возможно, это обусловлено биографией писателя: отношения же с женами складывались по-разному. Первая официальная жена В.М. Шукшина – его односельчанка, учительница Мария Ивановна Шумская. Супруга не решилась переехать с мужем в Москву – её останавливала нестабильность жизни в большом городе, она решила дожидаться В.М. Шукшина на родине. В 1957 году В.М. Шукшин из Москвы написал домой письмо о том, что хочет развестись с женой, так как встретил другую женщину. В 1963 году он женился на Виктории Софроновой. В 1965 году у нее родилась дочь от Шукшина – Катерина.

С 1964 по 1967 год В.М. Шукшин состоял в браке с актрисой Лидией Александровой. Этот брак тоже долгим не был, актриса оставила достаточно негативные воспоминания об этих годах.

В 1964 году происходит знакомство Василия Шукшина с актрисой Лидией Федосеевой. В этом союзе он состоял до конца жизни. В браке у него родились две дочери: Мария и Ольга. Неоднозначно складывающиеся отношения с женщинами не могли не оказать влияния на творчество писателя и не воплотиться в изображаемых им характерах.

Михайловна – жена главы семейства Емельяна Спиридоныча Любавина – не имеет имени. Кажется бы, обращение по отчеству – это признак уважения, преклонения перед мудростью адресата, однако Емельян Спиридоныч Любавин, обращаясь к своей жене, не называет ни ее имени, ни ее отчества. Подобно отцу, Егор Любавин также не уважает жену Марью, лишая ее имени, а впоследствии и жизни: «– Слышь, – позвал ее Егор. – Ты что, имени, что ли, не знаешь? – обиделась Марья» [9, с. 149].

Для своего мужа Михайловна – «тень»: «На печке неслышно, как тень, завозилась хозяйка – Михайловна» [9, с. 21]. В данном контексте лексема «тень» употребляется в значении «призрак, привидение» [10, с. 283]. Сравнение жены с умершим человеком присутствует в высказывании ее мужа: «Чего ты, как с того света явилась!» [9, с. 38]. Здесь обыгрывается фразеологизм 'выходец с того света – мертвец, который по суеверным представлениям выходит из могилы' [11, с. 98].

Мудрая жена в произведениях В.М. Шукшина оберегает семью, хозяйство, она пытается удержать мужа от необдуманных поступков. Михайловна уговаривает мужа сохранить деньги для детей, не тратить их попусту. «– Много шибко запросит, так уж не берите. А ребятам строить скоро – деньги нужны» [9, с. 25]. Агафья Колокольникова (мать

Клавди) выступает хранительницей финансов семьи: «Николай крикнул, посмотрел на жену: деньги в надежных руках. Она их уже не выпустит – не тот случай. Тяжело глядел на свою ловкую половицу» [9, с. 33]. Здесь обыгрывается фразеологизм 'дражайшая половина' – шутл. жена или муж. Чаще о жене [11, с. 338]. Хавронья Байкалова (жена Федора Байкалова) пытается уберечь мужа от гибели: «– Ты, парень не ходи больше к нам... Сгубишь мне мужика» [9, с. 197].

Такое качество жены, как домовитость отражено и в организации пространства русской избы. Она основывалась на гендерном принципе, согласно которому существовало условное разделение избы на «женскую» и «мужскую» части. Так, например, традиционно считалось, что место во главе стола – мужское, место у печи – женское.

Действие романа начинается с пробуждения хозяйки – Михайловны на печи. Печь играла значимую роль в жизни крестьян, с ней было связано большое количество суеверий, магических ритуалов. А.К. Байбурин пишет, что возле печи находился так называемый «бабий угол». Это место является женским, оно противопоставлено мужскому, внешнему пространству у дверей – «подпорожью» [12, с. 167]. Печь выступает как символ женского начала, она оберегает жильцов дома, согревает, питает их. Не случайно Шукшин, близкий к фольклорным традициям, наделял печь способностью благословлять жителей дома; «Матушка-печь, как ты меня поила и кормила, так благослови в дорогу дальнюю» [6, с. 263], печь требовала к себе бережного, уважительного отношения. Так, в рассказе «Племянник главбуха» мать обращается к ней со словами: «Барыня какая» [6, с. 53].

Михайловна говорит с мужем неуверенно, для него жена не значима. Это подчеркивает автор. «Он (Егор Любавин) никогда не советовался с женой» [9, с. 25]. Семья, в которой отсутствуют «совет да любовь», обречена на несчастья: совершают преступления и гибнут ее члены, все вокруг отворачиваются от Любавиных. Символична фамилия семьи, которая является заглавием романа: Любавины от имени Любава – 'любящая, любимая' [13, с. 308], от основы глагола «любить». Писатель не случайно выбирает эту фамилию для семьи, в которой любви нет, показывая всю дисгармоничность отношений между братьями, мужем и женой, отцом и сыновьями Любавиными.

Необходимо отметить такую черту характера женщин в романе, как набожность: «в сломанную церковь богомольные бабы не пойдут» [9, с. 249]. Эта черта актуализируется посредством прилагательного «богомольные». Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля 'богомольный – прилежно и часто молящийся; исполняющий все внешние обряды церкви; искренне молящийся, богобоязненный' [14, с. 106].

Женская набожность актуализируется посредством употребления в прямой речи героинь обращений к Богу: «– Господи батюшка, отец небесный...» [9, с. 38], «– Осподи, осподи! – закрестилась Михайловна» [9, с. 300]. «Михайловна заплакала на печке: – Господи, господа, отец небесный» [9, с. 304]. «Зачем вы меня-то, господа?...» [9, с. 75]. «Привычно перекрестилась и прошептала: «Господи, господа, прости нас грешных» [9, с. 21].

Главные героини романа – Клавдя Колокольникова (жена Кузьмы Родионова) и Марья Попова (жена Егора Любавина). В начале романа Клавдя и Марья – незамужние девушки. Клавдя предстает перед нами в несколько неприглядном виде: «Завидев чужих из избы в горницу козой шарахнула мо-

лодая девка в спальню рубахе» [9, с. 26]. Козой – торопливо, пугливо [15, с. 144]. Шарахнуть – шарахнуться, броситься, метнуться [15, с. 379], с помощью данного словосочетания актуализируется такая черта русской девушки, как стыдливость. «– Кобыла старозаводская, – строго заметил Елизар» [2, с. 26]. Однако словосочетание 'кобыла старозаводская – бран. в адрес девушки, женщины (в значении «бесстыдница») [15, с. 143] указывает на отсутствие излишней стыдливости в характере Клавди. В отличие от Марьи Поповой, чью скромность подчеркивает автор. Чистота и непорочность героини актуализируется посредством прилагательных «ясные», «чистые», «светлая». «Марья лицом походила на мать – чернобровая, с ясными, умными глазами. Она редко улыбалась, но в родниковой глубине своих чистых глаз таила постоянную светлую усмешку» [9, с. 45]. «Чистые глаза ее помутнились от ужаса» [9, с. 47]. «Она не знала, куда девать свои ясные, посчастливившие глаза» [9, с. 65]. Героиня спокойна, открыта, несуетлива и честна перед самой собой и окружающими: «Марья держалась просто, спокойно» [9, с.74]. «Глядя на нее, трудно было подумать, что вот она – несуетливая, тихая, с внутренним сдержанным величием может выйти на круг и сплясать» [9, с. 45]. Марья добра, терпелива: «а характером удалась в брата Федора – спокойная, рассудительная, с открытой доброй душой. Очень терпеливая» [9, с. 45].

В описании глаз героини посредством прилагательных «ласковые», «умные», «добрые» актуализируются свойства ее характера: «Только глаза все те же – ласковые, умные и добрые» [9, с. 264]. «Марья вертела в руках коробочку: в темноте, совсем близко, весело блестели ее добрые глаза...» [9, с. 47].

Глаза Клавди, ее взгляд отражают черты ее характера – она дерзкая и насмешливая: «Смотрела серыми дерзкими глазами ласково» [2, с. 31]. «– Мам, дак ты согласная? – спросила она, запрятав усмешку в глубь серых прозрачных глаз» [2, с. 144]. Символичен и цвет глаз героини: серый содержит в себе белый и черный цвета, он находится на границе противоположных оттенков. Так и характер Клавди неоднозначен: с одной стороны, она склонна к конфликтам и иногда скандальна, с другой – способна на глубокую, искреннюю любовь к мужу и ребенку.

Автор и в описании одежды героинь раскрывает перед нами особенности их характеров: «Марья сидела у стола в синеньком ситцевом платье, под которым как-то не угадывалось тело ее» [9, с. 74]. Синий цвет связан с небесной чистотой, ассоциация с бесплотным, безгрешным существом подкрепляется посредством словосочетания «как-то не угадывалось тело ее». В замужестве Марья словно обретает телесность. Жена, будущая мать, по мнению писателя, должна быть наделена силой как моральной, так и физической: «Она пополнила за это время. Налилась здоровой, разящей силой» [9, с. 264].

Платье Клавди пестрое, заметное: «Из горницы вышла девка в пестром ситцевом платье – крепкая легкая на ходу, с маленькой, гордо посаженной головой» [9, с. 29]; и сама Клавдя броская – 'бросаться в глаза – привлекать к себе чье – либо внимание, быть особенно заметным' [11, с. 49] привлекает внимание, но эта яркость может причинить немало неприятностей: «Клавдя была в том самом легком ситцевом платьице – с мелкими ядовито-желтыми цветками по синему полю» [9, с. 156]. Платье героини тоже синее. Синий цвет, согласно словарю символов Джека Тресиддера, сим-

волизирует чистоту и преданность, однако ядовито – желтый оттенок цветков, изображенных на платье, имеет негативную семантику. Героиня словно отравляет жизнь мужу, влюбленному в Марью. Одно из негативных значений желтого цвета связано со смертью (цвет нездоровой кожи, опавших листьев) [16, с. 151]. И действительно, Клавдия косвенно является причиной гибели Марьи.

Имена и фамилии героинь в романе Шукшина также указывают на особенности их характера. Имя Марья ассоциируется с Девой Марией. К сфере религии относятся и фамилия героини – Попова. Попов – от 'поп, священник' [17, с. 101].

Клавдия именуется усеченной формой имени Клавдия – от Клавдий 'хромать, хромой' [13, с. 133]. Возможно, таким образом автор подчеркивает неполноценность героини, отсутствие любви и гармонии в её семейной жизни. В контексте романа фамилия Колокольникова ассоциируется с фразеологизмами 'звонить во все колокола – во всеуслышание, всем говорить, рассказывать о чем-либо' [11, с. 172], 'лить колокола – распускать сплетни, врать' [11, с. 227]. В Словаре языка Василия Шукшина, составленном В.С. Елистратовым, звонарь – человек, от которого много шума, причиняющий беспокойство окружающим; лгун, обманщик, хвастун [15, с. 119]. По сути, это характеристика дяди Клавдии – Елизара Колокольникова, да и сама она может «распускать грязные слухи»: «Страшно было за Марью. Страшно подумать, что с ней будет, если Елизар или Клавдия разнесут по деревне грязный слух» [9, с. 268]. Своими словами Клавдия губит Марью, направляя к ней в дом Елизара, который становится свидетелем их встречи с Кузьмой.

При всей внешней и внутренней несхожести, в характерах Клавдии и Марьи есть общая черта,

свойственная женщине-матери – безграничная любовь к детям. Нежное, трепетное отношение матерей к своим детям в романе актуализируется в прямой речи героинь с помощью лексем с суффиксами субъективной оценки – ребеночек, сынулечка, одеяльце, ангелочек, кровиночка: «И ребеночек наш... как он будет?» [9, с. 138]. «– Сынулечка мой хороший, ангелочек мой маленький, кровиночка моя! – шептала» [9, с. 231].

В.М. Шукшин писал: «Мать – самое уважаемое что ни есть в жизни, самое родное – вся состоит из жалости. Она любит свое дитя, уважает, ревнует, хочет ему добра – много всякого, но неизменно, всю жизнь жалеет» [1, с. 194]. Такое трепетное отношение к матери характерно и для самого Шукшина. Мария Сергеевна Куксина-Шукшина была для него непререкаемым авторитетом, именно с ее сказок и песен начался творческий путь будущего писателя.

Итак, репрезентируя женские образы в романе «Любавины», автор обращает внимание на следующие параметры: внешний облик героинь, одежда, особенно ее цветовая характеристика, характер, его эмоциональная составляющая, морально-нравственные качества. Раскрытие особенностей женских характеров, а также анализ лексических средств, используемых для их описания, помогает целостному пониманию произведения, более глубокому проникновению в замысел писателя.

Авторский текст содержит имплицитную информацию, анализ женских образов способствует постижению специфики национального характера, поскольку в произведениях В.М. Шукшина в полной мере отразилась судьба и душа русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шукшин, В.М. Собрание сочинений : в 3-х т. [Текст] / В.М. Шукшин; сост. Л. Федосеева-Шукшина. – М. : Мол. гвардия, 1985. – Т. 3. – 671 с.
2. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации [Текст] / А.В. Кирилина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 252 с.
3. Рябов, О.В. Матушка-Русь: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии [Текст] / О.В. Рябов. – М. : Ладомир, 2001. – 202 с.
4. Кардапольцева, В.Н. Женские лики России [Текст] / В.Н. Кардапольцева. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. – 160 с.
5. Сергеева, А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А.В. Сергеева. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 320 с.
6. Шукшин, В.М. Собрание сочинений : в 3 т. [Текст] / В.М. Шукшин; сост. Л. Федосеева-Шукшина. – М. : Мол. гвардия, 1985. – Т. 2. – 591 с.
7. Евсева, Л.В. Специфика репрезентации образа женщины в культуре [Текст] / Л.В. Евсева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Т. 2. – С. 240–246.
8. Перцева, Е.Н. Особенности характера русских жен в произведениях В.М. Шукшина [Текст] / Е.Н. Перцева // Филологические этюды : сб. научн. ст. молодых ученых : в 3 ч. – Саратов, 2015. – Вып. 18. – Ч. I–III. – 471 с.
9. Шукшин, В.М. Собрание сочинений : в 3 т. [Текст] / В.М. Шукшин; сост. Л. Федосеева-Шукшина. – М. : Мол. гвардия, 1984. – Т. 1. – 702 с.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. [Текст]. – Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1963. – Т. 15. – 1286 с.
11. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А.И. Молоткова. – Изд 2-е, стереотип. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.
12. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов : монография [Текст] / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 253 с.
13. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – СПб.; М., 1880. – Т. 1. – 723 с.
15. Елистратов, В.С. Словарь языка Василия Шукшина: около 1500 слов, 700 фразеологических единиц [Текст] / В.С. Елистратов. – М. : Азбуковник, Русские словари, 2001. – 432 с.
16. Тресиддер, Дж. Словарь символов [Текст] / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М. : Гранд; ФАИР-Пресс, 1999. – 443 с.
17. Унбегаун, Б. Русские фамилии : пер. с англ. [Текст] / Б. Унбегаун; под общ. ред. Б.А. Успенского. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
